

Венера Фатхутдинова

Казанский федеральный университет, Россия, Казань

favenera@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УНИВЕРБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Объектом исследования выступили узуальные и окказиональные универбы, функционирующие в поэтических и прозаических текстах современной русской литературы конца XX - начала XXI века. Цель работы – выявление и описание функциональных возможностей универбов в рамках художественного текста. Материалом для лингвостилистического анализа послужили произведения двух известных русских авторов: поэта Евгения Евтушенко и прозаика Василия Аксёнова. Нами установлено, что характерные для разговорной речи способы конденсации неоднословных наименований активно и целенаправленно переносятся в художественный дискурс, а именно в сферу индивидуально-авторских новообразований. Будучи вторичными номинациями, они позволяют выразить то или иное отношение отправителя текста к обозначаемому явлению. Именно в рамках художественного текста происходит оживление внутренней формы нового производного слова. В рамках данной статьи последовательно доказывается следующая гипотеза: функциональная предназначенность универбов в текстах литературных произведений значительно расширяется: они могут выполнять, помимо компрессивной и экспрессивной, множество других языковых и стилистических функций.

Ключевые слова: словообразование, универб, стилистика, экспрессивность, языковая функция

The object of the study are occasional and language study univerbs functioning in poetic and prosaic texts of modern Russian literature of the late XX - early XXI century. The aim of this work is the identification and description of functionality of univerbs within a literary text. Material for linguostylistic analysis were the works of two famous Russian authors: the poet Yevgeny Yevtushenko, and writer Vasily Aksenov. We found that the colloquial ways of condensation of items actively and purposefully transferred to the discourse, namely in the scope of individually-copy right neoformations. As a secondary nominations, they allow to express a particular attitude of the sender of the text to the denoted phenomenon. In the framework of a literary text we come across the revival of the inner form of the new derived word. In this article, it has consistently been proved the

hypothesis that the functional relevance of univerbs in the texts of literary works is considerably broadened: besides compressive and expressive functions, they can perform many other linguistic and stylistic features.

Key words: word formation, univerb, stylistics, expressiveness, the language function

1. Введение

В современной русистике универбация как стилистически детерминированный способ образования слов неоднократно становилась предметом специального изучения. Будучи одним из видов компрессионного словообразования, в дериватологических исследованиях она всё чаще получает разную интерпретацию. Традиционным является определение универбации как суффиксального способа образования слов на основе атрибутивного словосочетания. В нашей работе универбация трактуется шире: как образование слов на базе синтаксических конструкций (предикативных структур) разной протяженности, при котором конденсация семантики может осуществляться за счёт суффиксации, сложения, аббревиации, усечения и субстантивации (Л. В. Сахарный, В. В. Лопатин, Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Н. А. Янко-Триницкая, J. Kaliszan и др.). Слова-универбы при этом получают общее деривационное значение предметности.

Учеными неоднократно констатировалось, что на фоне социокультурных и общественно-политических изменений в российском обществе в русском языке активно осуществляется процесс функционального динамизма: перемещение периферийных языковых явлений (свойственных сфере бытовой коммуникации) в кодифицированную литературную речь. В этой связи объектом нашего исследования выступили узуальные и окказиональные универбы, функционирующие в поэтических и прозаических текстах современной русской литературы конца XX – начала XXI века.

Цель работы – выявление и описание функциональных возможностей универбов в рамках художественного дискурса.

2. Материалы и методы

Материалом для непосредственного лингвостилистического анализа послужили произведения двух авторов: известного русского поэта Евгения Евтушенко и не менее именитого прозаика Василия Аксёно-

ва. Оба родились в 1932 году, и тот и другой относятся к творческой интеллигенции „эпохи шестидесятых“ прошлого века, которая отличалась остротой восприятия социально-политических преобразований, происходивших в то время в советском обществе.

По мнению Р. Ю. Намитоковой, авторские новообразования Евгения Евтушенко стали неотъемлемой частью его поэтического языка и объектом пристального внимания многих ученых (Намитокова 2009: 7). То же самое можно сказать и об Аксёнове, окказионализмы которого “представляют собой особый тип изобразительно-выразительных средств, эмоционально-экспрессивная окраска которых, как правило, сопровождается ярко выраженной оценочностью и образностью” (Спиридонов 2014: 112). Индивидуально-речевое творчество этих писателей характеризуется ярко выраженной экспрессией, креативностью языкового мышления и многообразием стилистических средств. Данное обстоятельство обусловило выбор окказиональных универбов Евтушенко и Аксёнова в качестве предмета исследования. В работе использовался структурно-семантический и функционально-стилистический методы научного анализа.

3. Результаты и обсуждение

Использование в художественной речи функционально маркированных универбов (разговорных и разговорно-просторечных) связано, на наш взгляд, с общим процессом коллоквиализации русского языка новейшего времени. В текстах современной русской литературы довольно часто встречаются общеизвестные, узуальные универбы с суффиксом *-к-* типа *курилка* - курительная комната, *газировка* - газированная вода, *военка* – занятия по военной подготовке, выражающие предметное, вещественное или отвлеченное значения. С точки зрения Е. И. Коряковцевой, возникновение универбов “обусловлено не только стремлением говорящего сообщества упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой и удобной. Образование таких квазитерминов обусловлено также тенденцией к “национализации” лексической семантики, <...> понятной вне широкого контекста лишь носителям языка” (Коряковцева 2010: 284).

Исходя из того, что универбы “служат не только средством компрессии речи, но и средством экспрессии” (Земская 2000: 119), в рамках данного доклада мы позволим себе высказать следующую гипотезу:

функциональная предназначенность универбов в текстах литературных произведений значительно расширяется: они могут выполнять, помимо компрессивной и экспрессивной, множество других языковых и стилистических функций. Учитывая, что вопрос о систематизации функций языковых единиц „является очень сложным и очень важным для толкования сущности языка“ (Тошович 2000: 4), в работе используются традиционные и наиболее распространённые в современной лингвистике их признаки и обозначения; о принципах выделения языковых функций подробнее см.: (Tošović 2000).

Характерные для разговорной речи способы конденсации неоднословных наименований активно и целенаправленно переносятся в художественный дискурс, а именно в сферу индивидуально-авторских новообразований. Будучи вторичными номинациями, они позволяют выразить то или иное отношение отправителя текста к обозначаемому явлению. Именно в рамках художественного текста происходит оживление внутренней формы нового производного слова. Фактически окказионализмы снимают противоречие между возможностями словообразовательной системы языка и использованием дериватов в речи.

Так, в языке русской литературы и публицистики конца XX века широко использовалось слово *запрещёнка* – ‘запрещённые к публикации произведения литературы, искусства, публицистики’, уже мало актуальное как для современной медийной сферы, так и для общественного сознания.

Я не мастер искушённый, / но надеюсь всё равно. / Я – Христос неразрешённый, / журавлёнок я в кино. / Но не старилась нисколько / запрещёнка – видит Бог (Е. Евтушенко, Журавли ещё летят).

Формальная структура слова *запрещёнка*, по сравнению с мотивирующим словосочетанием *запрещённая литература*, характеризуется компактностью и простотой. “Устойчивый характер мотивирующего словосочетания обеспечивает суффиксальным универбам декодируемость семантики” (Гафарова 2011: 28). В результате синтаксической перекатегоризации у деривата появляется функционально-стилистическая окрашенность – оттенок разговорности и эмоциональности, что, возможно, соответствовало коммуникативным интенциям автора.

Типичные для разговорно-обиходного стиля способы конденсации неоднословных наименований в поэтическом дискурсе зачастую становятся элементами языковой игры:

*Здесь часа четыре до Парижу, / А в таверне минералки я не вижу. /
Здесь не слышали крестьяне никогда, / что такое минеральная вода.
/ И на черта минералка, / если здесь - / неумиралка? / не пройтись ли
нам, / любимая, туда?* (Е. Евтушенко, Статуя свободы).

Совместное употребление в тексте прямого и обратного вариантов для обозначения одного и того же понятия способствует раскрытию внутренней формы семантического конденсата. Узуальный универб с вещественным значением *минералка* составляет рифму окказионализму *неумиралка* – ‘место, где люди живут долго и счастливо, не умирают’. Он характеризуется отвлеченной семантикой и ласкательно-пренебрежительной коннотацией. Преднамеренное преобразование словообразовательной структуры слова здесь можно расценивать как стилистический приём, способствующий экспрессивизации данного отрезка текста. В этом случае наблюдается “каламбурное столкновение производных”, близких по звучанию, а также “шутливое с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы” (Земская 1992: 169). Кроме того, корреляция *минералка* – *неумиралка* выполняет не только игровую, но и текстообразующую функцию.

Словообразовательная игра может строиться на преднамеренной замене мотивирующего универб слова. Так, результат номинализации целого предложения существительное *непроливайка* – ‘чернильница, сделанная так, что из неё при опрокидывании не выливаются чернила’ у Евтушенко превращается в разговорный окказионализм *невывливашка / невыливашечка*:

*Как в сугробницах, / в стыдобницах / вся страна, / но на урок / созывает,
/ как воробушек / вновь порхающий звонок. / Вновь я там – худей
опеньшика, чистая рубашечка, а в руках богатство – пёрышко / и
невывливашечка* (Е. Евтушенко, Невывливашка).

Уменьшительно-ласкательный суффикс -ечк(а) подчёркивает обиходную и социальную ценность обозначаемого предмета – чернильницы особой формы, которая была редкостью в довоенном детстве поэта, родившемся в маленьком сибирском городке. Номинативное

варьирование универба свидетельствует о разных возможностях разговорной речевой альтернации.

Среди тематических групп универбов в современной русской речи Д. В. Дозорова выделяет тематический класс слов, служащих обозначениями одежды: *спецовка* – специальная одежда, *повседневка* – повседневная одежда, *спортивка* – спортивная одежда, *парадка* – парадная одежда и др. (Дозорова 2015: 3). На наш взгляд, к этой тематической группе примыкают многочисленные наименования головных уборов, образованные на базе поликомпонентных конструкций, например: *будёновка* – головной убор будёновцев: ‘красноармейский суконный шлем; первоначально шлем, который носили будёновцы – бойцы первой Конной армии, которой командовал Семён Михайлович Будённый в годы гражданской войны’.

Мотивированные наименования головных уборов, образованные по законам аналогии при помощи суффикса *-к(а)*, воплощают наиболее активную словообразовательную модель, обладают прозрачной внутренней формой и фразеологизированным типом семантики: *безкозырка* – фуражка без козырька; *бейсболка* – кепка с большим козырьком, надеваемая во время игры в бейсбол; *треуголка* – шляпа с полями, загнутыми так, что они образуют три угла; *конфедератка* – национальный польский головной убор с четырехугольным верхом; *кубанка* – популярный мужской головной убор на Кубани; *пилотка* – головной убор (первоначально пилотов) в виде сплюснутой с боков лёгкой шапочки; *ушанка* – теплая шапка, закрывающая уши и др.

В художественном тексте окказиональные наименования головных уборов могут иметь символическое значение, для раскрытия которого необходим специальный лингвокультурологический комментарий. Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения Е. Евтушенко:

Надену кепку-смеляковку / и в рощу майскую пойду, / как на рабочую маёвку / в каком-то давешнем году (Е. Евтушенко, Маёвка).

Мотивирующим неоднословным наименованием для деривата *смеляковка* здесь выступает конструкция *кепка как у Смелякова*. В этом отрезке текста окказионализм *кепка-смеляковка* символизирует отношение автора к русскому советскому поэту очень непростой судьбы – Ярославу Васильевичу Смелякову, фигура которого для творческой интеллигенции 60-х годов XX века была знаковой.

Судьба Ярослава Васильевич Смелякова - непрерывная череда взлетов и испытаний. До последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в ее историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в ее правоте, он трижды попадал в круги лагерного ада. <...> Евгений Евтушенко, считавший Смелякова своим учителем, высказался о нем предельно точно: "Смеляков замкнул плеяду последних романтиков, чье Шоссе Энтузиастов закончилось Туником Пессимистов, когда в оклизлых от крови подвалах "мальчикам революции" всаживали пулю в затылок. Я не встречал более советского и, вместе с тем, более антисоветского человека" (URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/36386/ (дата обращения: 25. 3. 2017)).

Использование в другом стихотворении адъектива смеляковский свидетельствует об идеологической функции деривата:

...Я – Есенин и Маяковский, / я – с кровиночкой смеляковской, /а еще фронтовых корней (Е. Евтушенко, Злятся шавки, что я не в шайке).

Подобные номинации “отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью” (Рацибурская 2014: 150). Если составное наименование *кепка-смеляковка* является индивидуально-авторским новообразованием, детерминированным соответствующей эпохой и не дающим в настоящее время исчерпывающего описания соответствующего денотата (кроме представления, что такого рода кепку носил поэт Ярослав Смеляков), то название другого головного убора *жириновка* – ‘чёрная фуражка, характерная для российского политика Владимира Жириновского’, без сомнения, известно современному российскому читателю. Так или иначе, периодическое появление подобных номинаций в русской разговорной речи, так же как и их исчезновение, свидетельствует о необходимости изучения семантики универбов с позиций речевой динамики.

Как известно, номинативную функцию в языке осуществляют прежде всего примарные слова. Однако многие исследователи полагают, что данная функция присуща также окказионализмам. По мнению И. С. Улуханова, отсутствие однословного обозначения какого-либо явления может рассматриваться как лакуна при наличии коммуникативной необходимости в таком обозначении (Улуханов 1996: 16). В этом случае окказиональное слово призвано восполнить соответ-

ствующую номинативную единицу. Рассмотрим ряд индивидуально-авторских новообразований Василия Аксёнова, созданных для обозначения тех или иных артефактов.

В этот самый момент его мысли были прерваны сильным стуком в дверь, произведенным львиной головой корбаховской персональной стучалкой (В. Аксенов, Редкие земли).

Слово *стучалка* можно интерпретировать следующим образом: ‘приспособление, при помощи которого стучат в дверь’ или ‘приспособление для стучания’. В русском языке не существует специальной лексической единицы для выражения этого понятия, поэтому в данном случае стяжение предикативного словосочетания выполняет номинативную функцию.

Существительное *стучалка* образовано от глагола *стучать* в значении ‘ударять (в дверь, окно и т.п.), стуком выражая просьбу впустить куда-либо’. Примечательно, что в словаре Владимира Даля фиксируются названия артефактов, образованных от глаголов *стучать* / *стучать* (оба глагола объединены в одну словарную статью), однако их функциональное предназначение совсем иное: *Стукало, стукальце* – ‘колотушка, молоток’; *стучалка* – ‘дубинка или палица’ (Даль 1995: 348). Поэтому, несмотря на простоту словообразовательной структуры, для семантики слова *стучалка* характерна определённая идиоматичность, раскрывающаяся только в контексте.

Проанализируем другое новообразование Аксёнова:

Долго никакого ответа не было – наверное, гады сразу бросают все письма в какую-нибудь письюморубку высокой технологии, как вдруг – звонок, не кто иной, как сам Стенли на линии (В. Аксёнов, Новый сладостный стиль).

В этом случае окказионализм *письюморубка*, образованный по аналогии со словом *мясорубка*, используется автором для названия денотата, не имеющего в русском языке своего собственного обозначения; ср. заимствование *шредер* (англ. *shredder* – измельчитель, кромсатель) – ‘офисное устройство (оргтехника) для измельчения бумаги в очень мелкие полоски или крошечные кусочки’. Слово *письюморубка* не лишено социально-экспрессивной коннотации, перед нами предстаёт образ зловещей машины, уничтожающей долгожданные письма.

Следует отметить, что в современном русском языке практически нет сложносокращенных существительных женского рода, образованных по данной модели от глагола *рубить*, кроме профессионализма *тряпкорубка* – ‘машина для измельчения тряпья при переработке его в бумагу, искусственное волокно и т.п.; *тряпкорезка*’. Сложные производные с основой *-руб-* чаще являются существительными мужского рода и выражают разную семантику: *рубить лёд* – *ледоруб* ‘род топорика, кирки, применяемых альпинистами для вырубаения ступенек во льду при восхождении на горные вершины’; *рубить сучья* – *сучкоруб* ‘рабочий, занимающийся обрубкой сучьев на лесозаготовках’; ср. *сучкорез* / *сучкорезка* ‘приспособление для срезания сучков. *Сучкорезная машина*’.

Стремление к языковой игре, к контаминации номинативных единиц, приводящей к стяжению и семантической конденсации, проявляется у Аксёнова в образовании большого количества сложносокращенных слов.

Так, в русском языке узуальным универбом является существительное *короткометражка*, образованное на базе словосочетания *короткометражный фильм*. В художественных текстах Аксёнова встречается аналогичное новообразование (возможно, профессионализм) *двухчастёвка* – фильм, состоящий из двух частей:

Самым печальным, да, пожалуй, и самым опасным периодом Сашиного образования оказался Институт кинематографии. Увлёкшись возможностями “скрытой камеры”, он сделал двухчастёвку о летних военных лагерях (В. Аксёнов, Новый сладостный стиль).

Универб *двухчастёвка* – результат стяжения в аффиксально-сложное слово развёрнутого словосочетания *фильм из двух частей*. Оказациональные универбы-композиции у Акёнова зачастую образуются именно незуальными способами:

Иногда было меньше: кто-то неожиданно отлучался, но чаще больше, потому что гости приглашали своих гостей: ведь Стас не откажет, он будет только в восторге, ведь он здесь истосковался без московского-то духа – ну без этой нашей своеобразички (В. Аксёнов, Кесарево свечение).

Индивидуально-авторское новообразование *своеобычичка* появилось на базе незуального словосочетания “*своеобразная обычность*” пу-

тем наложения (контаминации) начальных частей двух основ, содержащих взаимоисключающую семантику. Суффикс *-инк(а)* в данном случае образует имя существительное женского рода со значением признака, проявляющимся в слабой степени, ср. *лукавый* – *лукавинка*, *слабый* – *слабинка*, *горький* – *горчинка*. “Суффиксация как средство конденсации многословных наименований” (Виноградова 1984: 35) позволяет автору более кратко и семантически ёмко обозначить новое понятие.

Для описания универбов в художественной речи немаловажно значение имеет решение проблемы функционально-стилистической дифференциации словообразовательного типа. Так, образование универбов с суффиксом *-ух(а)* в русском языке носит сниженный, просторечно-разговорный характер: *бытовуха* – бытовое преступление, “*бээмвуха*” – легковой автомобиль марки BMW и др.

Жаргонно-просторечная окраска универбов с суффиксом *-ух(а)* в стихотворном тексте может приобретать социально-оценочное звучание или служить для характеристики сниженного стиля речи своих персонажей, придавая ей фамильярно-разговорный оттенок, например, в слове *депрессуха* – депрессивное состояние /депрессия.

Нежусь своим одиночеством и оттягиваю подъём, потому что знаю, что несмотря на все упражнения и плавание меня вскоре обра- тает депрессуха (В. Аксёнов, Редкие земли).

В другом примере существительное *дезуха* (от *дезинформация*) является жаргонизмом, принадлежностью социолекта диссидентов и антисоветчиков:

Тут агентура рыщет в толпе, распускает дезуху (В. Аксёнов, Редкие земли).

Подобные номинативные единицы (ср., например, *агентурка* – *агентурные сведения*) выполняют индексальную (социативную) функцию языка и широко используются в литературных произведениях.

Стилистически детерминированное употребление узуальных и окказиональных универбов в художественной речи, как правило, сопровождается пояснительным контекстом, иначе слово утрачивает определённую семантику и функциональную предназначенность.

Речь здесь идет о “текстовых номинациях” (термин Е. А. Земской), функционирующих в пределах конкретного отрезка текста.

4. Выводы

Итак, следует констатировать, что в художественном дискурсе универбы характеризуются целым рядом особенностей и многообразием функций. Наряду с компрессивной, в рамках поэтического и прозаического текста они могут выполнять эмоционально-экспрессивную, номинативную, игровую, “идеологическую”, текстообразующую и индексальную функции, что расширяет их стилистический потенциал. Перечисленные функции являются наиболее релевантными для толкования универбов в художественном дискурсе, поскольку находятся между собой в определённом взаимодействии. Если универбы Евтушенко чаще используются с целью языковой игры, т.е. реализуют игровую и эмоционально-экспрессивную функции, то новообразования-конденсаты Аксёнова, кроме экспрессивной, нередко выполняют собственно номинативную и индексальную функции.

Источником экспрессивности в художественном дискурсе могут быть как узуальные, так и неuzuальные универбы, причем семантика последних может варьироваться от конкретно-предметной до отвлечённой. Оказиональные универбы образуются чаще всего на базе развёрнутых многокомпонентных предикативных структур, дающих определенную характеристику объекту номинации.

Динамика социокультурной жизни русского общества находит отражение в составе и тематической маркированности универбов: некоторые из них переходят в разряд слов-хронофактов и образуют периферию лексической системы русского языка, на их месте появляются новые, объективирующие актуальные в данный момент для людей смыслы и символы.

Интернет-ресурсы

ТВ канал “Культура”: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/36386/ (дата обращения 25. 03. 2017).

Литература

- Василий АКСЁНОВ, 1997: *Новый сладостный стиль*. Москва: Изограф.
- Василий АКСЁНОВ, 2002: *Кесарево свечение*. Москва, Эксмо.
- Василий АКСЁНОВ, 2007: *Редкие земли*. Москва: Эксмо.
- Валентина ВИНОГРАДОВА, 1984: *Стилистический аспект русского словообразования*. Москва: Наука.
- Раннета ГАФАРОВА, 2011: Избирательность суффиксальных универбов русского языка. *Культура народов Причерноморья*. № 211, 25–28.
- Владимир ДАЛЬ, 1995: *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Т. 4. Москва: ТЕРРА.
- Дарья ДОЗОРОВА, 2015: Тематические сферы употребления дериватов в современной русской речи. *Электронный журнал "Вестник МГОУ"*. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/618> (дата обращения 25. 3. 2017).
- Евгений ЕВТУШЕНКО, 1997–2008: *Первое полное собрание сочинений в восьми томах*. Москва: ООО "Изд. АСТ".
- Елена ЗЕМСКАЯ, 2000: Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия*. Москва: Языки русской культуры, 90–141.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Елена КОРЯКОВЦЕВА, 2010: Инновации в словообразовании русских, польских и чешских *nomina abstracta*. ПЕТРУХИНА, Е. В. (под. ред.). *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование* (доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при международном комитете славистов). Москва: Изд-во МГУ, 270–286.
- Роза НАМИТОВА, 2009. *Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко*. Майкоп: ООО "Качество".
- Лариса РАЦИБУРСКАЯ, Надежда САМЫЛИЧЕВА, Анна ШУМИЛОВА, 2014: Специфика современного медийного словотворчества. *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 150–229.
- Александр СПИРИДОНОВ, Венера ФАТХУТДИНОВА, 2014: Экспрессивно-оценочная функция индивидуально-авторских новообразований в текстах романов Василия Аксёнова. *Филология и культура. Philology and Culture*. № 1 (35), 110–114.

- Бранко ТОШОВИЧ, 2000: Функции языка. *Язык и социум*. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 3–22.
- Branko TOŠOVIĆ, 2000: Die Funktionen der Sprache. *Stylistyka*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 315–337.
- Игорь УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Stylistic Functions of Univerbs in a Fictional Text

The results of the formal analysis allow us to assert that in the artistic discourse of univerbs as lexical units, formed on the basis of phrases by condensation of semantics, are characterized by a number of features and variety of functions. Along with compressive, under poetry and prose text they can perform emotionally expressive, nominative, game-form, ideological, and text forming indexical function that expands their stylistic potential. Stylistical use of language usage and occasional univerbs in artistic speech, is usually accompanied by explanatory context, otherwise the word loses semantic certainty and functional relevance.

Source of expressiveness in art discourse acts language study and occasional univerbs. Their semantics can vary from specific to distracted. Non-language study univerbs are often formed on the basis of a deployed multicomponent predicative structures that give a certain characteristic of the object of nomination.

The dynamics of the sociocultural life of Russian society is reflected in the composition and thematic marking of univerbs: some of them go to the category of obsolete words and form the periphery of the lexical system of the Russian language, and on their place appear new ones, objectivising current for people meanings and symbols.